

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800020754-5

Мережковский и Байрон

© 2022 г. И. А. Шишкова

Доктор филологических наук,
профессор Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7502-411X>
ishishkova@yandex.ru

© 2022 г. Е. А. Кешокова

Кандидат филологических наук,
доцент Литературного института имени А.М. Горького,
Россия, 123104, Москва, Тверской бульвар, д. 25
keshokova2014@yandex.ru

Резюме. В очерках Дмитрия Сергеевича Мережковского имя лорда Байрона нередко упоминается в одном ряду с мировыми классиками. Для русского писателя английский поэт стал “вечным спутником”, оказавшим глубокое влияние на его творчество. В статье исследуется образ Байрона, яркими штрихами запечатленный в книгах “Вечные спутники”, “Л. Толстой и Достоевский”, “Было и будет: Дневник: 1910–1914”. Байрон интересовал Мережковского как тип художника, великий мастер слова, поэт будущего. Мережковскому удалось детально проанализировать его жизнь и творчество, уделив внимание таким проблемам и темам, как Байрон и Наполеон, “сверхчеловеческое”, религиозность поэта, появление в литературе нового героя, так называемый эгоизм гения, его вольнолюбивый революционный дух. В работе приводятся размышления Мережковского по поводу внутреннего “демонизма” Байрона и внешнего, поверхностного. Осмысливаются “терзания” Байрона, связанные с призванием сочинителя и политика в широком смысле слова. Рассматривается и “свой путь” А.С. Пушкина, преодолевшего в собственных произведениях, по мнению Мережковского, мрачный настрой английского поэта, а также обсуждается воздействие поэзии Байрона на плеяду авторов, “заразившихся” его либеральными идеями. В заключение делается вывод о том, что Байрон жертвовал собой не напрасно, и эпитафией на его могиле, по мысли Мережковского, могли бы стать слова “будет радость”.

Ключевые слова: Дмитрий Сергеевич Мережковский, лорд Байрон, Наполеон, вольнолюбивый дух, “сверхчеловеческое”, новый герой, Александр Сергеевич Пушкин.

Для цитирования: Шишкова И.А., Кешокова Е.А. Мережковский и Байрон // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 18–23. DOI: 10.31857/S160578800020754-5

Merezhkovsky on Byron

© 2022 Irina A. Shishkova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor of the Maxim Gorky Literary Institute,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7502-411X>
ishishkova@yandex.ru

© 2022 Elena A. Keshokova

Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor of the Maxim Gorky Literary Institute,
25 Tverskoy Blvd., Moscow, 123104, Russia
keshokova2014@yandex.ru

Abstract. In the essays of Dmitry Merezhkovsky, the name of Lord Byron is often mentioned on a par with world classics. For the Russian writer, the English poet became an “eternal companion” who had a profound influence on his work. The article examines the image of Byron, depicted in bright strokes in the books “Eternal Companions”, “L. Tolstoy and Dostoevsky”, “It was and will be: Diary: 1910–1914”. Merezhkovsky was interested in Byron as a type of artist, a great master of words, a poet of the future. Merezhkovsky managed to analyze in detail the life and work of Byron, paying attention to such problems as Byron and Napoleon, the “superhuman”, the poet’s religiosity, the emergence of a new hero in literature, the so-called “egoism” of a genius, his freedom-loving revolutionary spirit. The paper provides Merezhkovsky’s thoughts of Byron’s internal and external “demonism” as well as the poet’s “torments” associated with the calling of a writer and a politician in the broadest sense of the word. In addition, the article considers the creative way of Pushkin, who, according to Merezhkovsky, overcame the gloomy mood of the English poet in his works. It also highlights the impact of Byron’s poetry on the authors who were “infected” with his liberal ideas. In conclusion, it is maintained that Byron did not die in vain, and according to Merezhkovsky, the epitaph on his grave could be the words “there will be joy”.

Key words: Dmitry Merezhkovsky, Lord Byron, Napoleon, freedom-loving spirit, “superhuman”, new hero, Alexander Pushkin.

For citation: Shishkova, I.A., Keshokova E.A. *Merezhkovskij i Bajron* [Merezhkovsky on Byron]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 3, pp. 18–23. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800020754-5

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) высоко ценил талант лорда Байрона (1788–1824), неоднократно обращаясь к его образу в книгах “Вечные спутники” (1896), “Было и будет: Дневник: 1910–1914” (1915), “Л. Толстой и Достоевский” (1902).

Замечательный по исповедальной интонации и многоаспектному освещению историко-литературоведческих проблем труд писателя и философа “Вечные спутники” в свое время был недооценен критиками, но очень тепло принят читателями. В нем Мережковский рассказывал о тех авторах, чьи произведения на протяжении многих лет волновали его воображение. Как справедливо замечает А. Пайман, эта книга значительно повлияла на воспитание молодежи в “любви к искусству как вневременному и непреходящему” [1, с. 37]. В этой связи нельзя не вспомнить слова Д.С. Лихачева о предназначении литературы, призванной стать “совестью общества, его душой” [2, с. 140], и, безусловно, поэзия Байрона пробуждала у современников и потомков не только жажду борьбы, но и “чувства добрые”. Возможно, по мнению Пайман, в мысленных встречах с Байроном, как и другими вечными спутниками, Мережковский “усматривал исцеление от одиночества и залог общности внутренней жизни всех людей, общности веры и страданий всех времен” [1, с. 37].

Хотя в “Вечных спутниках” нет очерка, посвященного английскому гению, при анализе произведений тех, кто был дорог Мережковскому, его имя нередко стоит в одном ряду с Шекспиром, Гёте, Шелли, Лермонтовым, Достоевским и др. Об интересе к Байрону свидетельствует и предтекст известной парижской “Автобиографической заметки” (1900), в которой имя мятежного лорда упоминается вместе с авторами, имевшими для Мережковского первостепенное значение [3, с. 203].

В предисловии к “Вечным спутникам”, объясняя свое желание рассказать о любимых классиках, Мережковский пишет о том, что хотел “показать живую душу писателя — своеобразную, единственную, никогда более не повторявшуюся форму бытия; затем изобразить действие этой души — иногда <...> более близкой, чем те, среди кого мы живем” [4, с. 5]. Эти слова можно с полным правом отнести и к Байрону.

По мнению Е.А. Андрущенко, в созданной Мережковским версии жанра литературного портрета и биографии можно заметить два источника: «произведения писателя и научные труды или воспоминания о нем. <...> сам портретируемый (“тезис”) противопоставлен “антитезису” (Пушкин — Лермонтов, Достоевский — Л. Толстой, Достоевский — Белинский, Л. Толстой — Тургенев и

пр.) <...>» [5]. Исходя из многочисленных ссылок на творчество Байрона на страницах “Вечных спутников”, можно предположить, что писатель не переставал думать о непокорном лорде и так же, как и в творчестве других авторов, пытался разглядеть в его поэзии “неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом” [4, с. 5]. При этом, по воспоминаниям Брюсова, Мережковский мог выразить и свое приятие, и недовольство какой-либо стороной жизни своего героя искренне, “от чистого сердца” [1, с. 83].

В “Вечных спутниках” английский поэт яркими штрихами представлен в “антитезах”, сопутствующих анализируемым литераторам: Сервантесу, Флоберу, Ибсену, Гончарову, Достоевскому и Пушкину. В Байроне, как в Лермонтове и Достоевском, Мережковский видел бунтарский тип художника с чертами “сверхчеловека”, обладавшего “правом на голос” [6, с. 479], с судьбой, не позволившей ему “почить на лаврах”. Такие мастера слова, по убеждению писателя, “негодуют и умирают, непримиренные” [4, с. 207].

В своих дневниках “Было и будет” (1915) Мережковский сравнивал Байрона с одной из вершин грандиозного горного хребта: “Наполеон, Гёте, Байрон, Лермонтов — от нас уже далеко эти вершины; <...>. И вот опять встают вершины вечные — вечные спутники” [7, с. 71–72]. Бунтарь и “певец свободы” был близок русскому писателю: “Если наше вечное в Гёте, то настоящее и будущее в Байроне. А нет иных путей к вечному, как через настоящее и будущее” [7, с. 72].

Несомненно, гений Байрона вызывал в Мережковском противоречивые чувства: “демон иронии”, “демон превратности”, <...> заставляет человека говорить и делать не то, что он хочет: <...>; хочет любить, а ненавидит; хочет плакать, а смеется» [7, с. 79]. Отвечая на негодование современников по поводу эгоизма Байрона, Мережковский подчеркивал, что этот его недостаток — «“нечто высшее <...>” — эгоизм какого-то *особого* (выделение Мережковского. — И.Ш., Е.К.) порядка» [8, с. 232].

Вероятно, непредсказуемые проявления темперамента поэта можно было бы сравнить с миром природы, “живым и близким сердцу” непокорных сочинителей, какими были Шекспир, Гёте и Шелли [4, с. 90]. Этот мир оставался свободным от “лицемерия, лжи и условностей культуры” [4, с. 27], и гордый лорд-изгнанник, как и Лермонтов, общаясь с природными стихиями, находил в них поддержку и был полон “молитвенного экстаза” [4, с. 90]. По мнению Мережковского, в произведениях Байрона природа представала

в первозданном виде, когда ее не касалась рука человека, и ничто не могло испортить “первобытный пейзаж” [4, с. 196]. Писатель подчеркивал, что даже в несколько театрализованных сценах своих поэм, “Ларе”, “Корсаре”, “Абидосской невесте”, Байрону удавалось описать “настоящее небо с грозой, и сквозь лохмотья разорванных полотен — настоящие молнии” [7, с. 90].

В “Вечных спутниках” Байрон нередко сравнивается с Наполеоном. Рассуждая о двух типах героев, писатель говорит о поэте как о герое “созерцания”, в отличие от Наполеона, “героя действия” — оба рождены свободными и не пытаются изменить или подчинить себе природу. Думается, трудно представить себе Байрона лишь “героем созерцания”. Вряд ли подобный персонаж, “диавол холодный и бесчувственный”, был бы готов, по словам самого Мережковского, вступить за угнетенные народы Италии, Испании, Греции, “за все человечество” [7, с. 88].

Как отмечает Е.А. Андрущенко, сравнивая Наполеона с Байроном и Лермонтовым, Мережковский говорит лишь о сходстве их судеб, родстве душ и близости идей [9, с. 516]. Однако нельзя не вспомнить и о том, что в период своих побед, как отмечается в книге “Л. Толстой и Достоевский”, Наполеон казался Байрону, так же как Пушкину и Лермонтову, «помазанником <...>, если не Бога (уже и теперь с большой) — то “бога” (пока все еще с маленькой буквы)» [8, с. 237]. Да и сам Мережковский, как заметил Ю. Терапиано, в своем прошлом увлекался Наполеоном, видя в нем «“атланта с двумя душами — ночной и дневной”, Промыслом соединенного с судьбами России» [10, с. 31]. Мережковский задается вопросом, как Байрон и Лермонтов могли поверить Наполеону и считать его своим героем, “который обессмыслил, обезглавил величайшую попытку человеческого освобождения — Революцию” [8, с. 256].

Е.А. Андрущенко как в беллетристике, так и в драматургии Мережковского видит его приверженность к идее Третьего Завета [11]. В этой связи нельзя не вспомнить о том, что природа “сверхчеловеческого” постоянно занимает мысли писателя. Так, С.Б. Королева отмечает, что для Мережковского байроновский Каин ассоциируется с “рядом явлений величия человеческого духа” [12], однако вряд ли поспоришь с тем, что его “сверхчеловеческое” вступает в конфликт с человеческим и наносит всем непоправимый вред.

Возможно, из-за того, что писатель постоянно находился в поиске разгадки признаков “сверхчеловеческого”, ему было необходимо установить,

как оно связано «с обычным человеческим и “среднечеловеческим”, как маскирует свое “не-человеческое”» [8, с. 505]. Можно предположить, что интерес к религиозности Байрона был продиктован увлеченностью Мережковского, по мнению В.В. Полонского, темой “всемирно-исторической борьбы между христианством и язычеством, Богочеловеком и человекобогом” [3, с. 204], а также приравнением сложной натуры Байрона к “сверхчеловеческому” [13, с. 747]. Нельзя не согласиться с А.А. Холиковым в том, что в мыслях Мережковского “причудливо сочетаются, с одной стороны, установка на интуитивно-эмоциональное познание действительности, мечты о новом идеализме, а с другой — укрепляющаяся религиозность, поиск божественного идеала (как в язычестве, так и в христианстве)” [14, с. 75].

Очевидно, сопоставление байроновского Наполеона с образами Прометея, Каина, Люцифера — “всех отверженных, гонимых, восставших на Бога, вкусивших от Древа Познания”, продиктовано устремлениями этого “нового европейского Демона”, желавшего, по Мережковскому, восстановить “нарушенное равновесие мира”, но более смелым и решительным путем, чем Робеспьер, Сен-Жюст, Руссо или Вольтер [8, с. 257].

Мережковский размышляет над причинами неконтролируемых эмоций Байрона, его постоянной жаждой бороться со всеми — “с матерью, женою, родиной, церковью, со всем человечеством, со всею природою, с Богом и дьяволом” [7, с. 73]. “Безмолвное бешенство” (silent rage) английского барда вызывало у писателя глубокое сочувствие, так как он хорошо понимал, что виной тому был не только его необузданный темперамент, но и печальная наследственность, а также физический недостаток, доставивший ему столько страданий [7, с. 77–79]. Между тем, Мережковский пишет и о том, что своим доброжелателям и поклонникам Байрон казался “споткнувшимся о звезду и охромевшим ангелом” [7, с. 79].

Так, зная о противоречивости поступков английского поэта и его порой непомерной гордыне, писатель различал в нем два вида “демонизма”: “один — глубокий, внутренний; другой — внешний, поверхностный”. В “плохие” периоды о Байроне говорили как о демоне, но близкие люди, сестра Августа, Хобхауз и все те, кому он совершенно бескорыстно помогал, знали его совсем другим, искренним и ранимым [7, с. 76]. Вместе с тем, иногда, при анализе размышлений Мережковского, создается впечатление, что писатель сам себе противоречит, говоря о том, что «самодовольства, “дьявольской гордыни”, которую

ему так охотно приписывают, у него нет вовсе» [7, с. 78]. В этом видится субъективное восприятие писателем личности гениального поэта, пронизанное чувством преклонения перед его талантом. В то же время, словно оправдывая его перед читателем, Мережковский вновь и вновь отмечает сложность его натуры, добавляя, что и «простоты, скромности сознательной (“смирненный Байрон” — это звучит странно <...>)» в нем тоже нет [7, с. 78].

Мережковский видел в Байроне необыкновенную личность, “великого поэта, властелина слова”, но порой слишком требовательного к себе, к своим свершениям: “Лучше совсем не быть поэтом, чем быть только поэтом” [7, с. 89]. Перед смертью, по мысли Мережковского, Байрона волновал вопрос, «не была ли поэзия главной ошибкой всей жизни его, а настоящим призванием — что? “Политика”? <...> не политика в том плоском и грубом смысле, <...> а в каком-то ином, глубочайшем, благороднейшем — если не для него самого, то для нас — уже религиозном». Мережковский был уверен в том, что Байрон наполнил свою поэзию “драгоценною тяжестью, налил кровью”. Писатель видел в английском бунтаре революционера “до мозга костей”, называя его “Чайльд-Гарольда” и “Бронзовый век” призывами к революции и сравнивая незаконченного “Дон Жуана” со смертью “на баррикадах” [7, с. 91–93]. По Мережковскому, изгнанные, проклятые, связанные, скованные герои Байрона — это не только сам поэт, но и “само человечество — древний Титан” [7, с. 102].

Мережковский заключает, что Байрон открыл в литературе нового героя, повлиявшего на целую плеяду авторов: Ибсена, Стендаля, Достоевского, Гончарова, Флобера, Ницше и др., — сделав вывод о том, что в “Корсаре”, “Чайльд-Гарольде”, “Каине”, “Манфреде” появляется новый человек, “новая героическая душа”. Во всех отважных героях Байрона есть что-то «хищное» и одновременно “царственное”: они отвергнуты обществом, полны ненависти не только к себе, но и к окружающим <...>» [4, с. 184–203], однако к их непреодолимым слабостям, так сказавшимся на их жизненных неудачах, можно отнести самолюбие и любовь к себе [8, с. 375].

Размышляя над глубинным смыслом очерков Мережковского, вошедших в книгу “Вечные спутники” и так или иначе затрагивающих жизнь и творчество Байрона, нельзя не обратить внимания на его статью о Пушкине. Писатель уверен в том, что, несмотря на прочную связь пушкинского Онегина с байроновскими персонажами,

со стороны Пушкина “это не подражание — это русская, в других литературах небывалая попытка развенчать демонического героя” [4, с. 255], и именно русскому поэту удалось справиться с байроновским разладом “светлою мудростью, непобедимым веселием” [4, с. 242].

Согласно Мережковскому, Байрон увеличил силы Пушкина, но не как победитель, а как побежденный, и Пушкин смог первым доказать, что в недрах русского мировоззрения различимы “великие задатки будущего Возрождения — той духовной гармонии, которая для всех народов является самым редким плодом тысячелетних стремлений” [4, с. 285].

В конце очерка “Байрон” поэт сравнивает с блудным сыном, вернувшимся в дом отца. Героическая смерть английского Прометея позволила Мережковскому задуматься над тем, как можно изменить надпись на его надгробии, и заключить: «И на твоей могиле мы напишем не “молит покоя”, а “будет радость”» [7, с. 102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пайман А. История русского символизма. М.: Республика, 1998. 415 с.
2. Лихачев Д.С. Я вспоминаю. М.: Прогресс, 1991. 256 с.
3. Полонский В.В. Мережковский “идет на Париж”: стратегии русского писателя по освоению французской литературной среды Прекрасной эпохи // Полонский В.В. GALLO-ROSSICA: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII — начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 184–221.
4. Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. 902 с. (Литературные памятники / Рос. акад. наук).
5. Андрущенко Е.А. Д.С. Мережковский // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 260–270.
6. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. Статьи 1880–1890-х гг., не включенные в “Вечные спутники” // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. 902 с. (Литературные памятники / Рос. акад. наук).
7. Мережковский Д.С. Байрон // Д.С. Мережковский. Было и будет: Дневник. Пг., 1915. С. 71–102. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004206949 (РГБ).

8. Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2000. 587 с. (Литературные памятники / Рос. акад. наук).
9. Андрущенко Е.А. Тайновидение Мережковского // Мережковский Д.С. Толстой и Достоевский. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2000. С. 481–528.
10. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С. 30–31.
11. Андрущенко Е.А. Письмо в бутылке. Драма “Павел I” и “Будет радость” в творческом мире Д.С. Мережковского // Вопросы литературы. 2000. № 3. С. 211–235.
12. Королева С.Б. Байрон и русский Серебряный век (1900-е годы). Протестантский Каин как “свое” и “чужое” // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 152–177.
13. Андрущенко Е.А. Спутники Мережковского // Мережковский Д.С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. СПб.: Наука, 2007. С. 703–757.
14. Холиков А.А. Д.С. Мережковский в истории русской литературы досоветского периода // Мир русского слова. 2011. № 1. С. 73–77.

REFERENCES

1. Pyman, A. *Istorija russkogo simvolizma* [The History of Russian Symbolism]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 415 p. (In Russ.)
2. Lihachev, D.S. *Ja vspominaju* [I remember]. Moscow, Progress Publ., 1991. 256 p. (In Russ.)
3. Polonsky, V.V. *Merezhkovskij “idet na Parizh”: strategii russkogo pisatelja po osvoeniju francuzskoj literaturnoj sredy Prekrasnoj jepohi* [Merezhkovsky “goes to Paris”: Strategies of the Russian Writer in Exploring the French Literary Environment of the Belle Epoque]. Polonsky, V.V. *GALLO-ROSSICA: Iz istorii rusko-francuzskih literaturnyh svyazej konca XVIII — nachala XX veka* [GALLO-ROSSICA: From the History of Russian-French Literary Relations in the late 18th — early 20th Centuries]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 184–221. (In Russ.)
4. Merezhkovsky, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury*. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko [Eternal Companions. Portraits from World Literature. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 902 p. (*Literaturnye pamyatniki* [Literary Monuments Series]). (In Russ.)
5. Andrushchenko, E.A. *D.S. Merezhkovskij* [D.S. Merezhkovsky]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2019, No. 1, pp. 260–270. (In Russ.)
6. Merezhkovsky, D.S. *O prichinah upadka i o novyh techeniyah sovremennoj russkoj literatury*. *Statji*

- 1880–1890-h gg., ne vklyuchennye v “Vechnye sputniki” [About the Causes of Decline and about New Trends in Modern Russian Literature. Articles of the 1880s–1890s, not included in the “Eternal Companions”]. Merezhkovsky, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Eternal Companions. Portraits from World Literature. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 902 p. (*Literaturnye pamyatniki* [Literary Monuments Series]). (In Russ.)
7. Merezhkovsky, D.S. Byron. D.S. Merezhkovsky. *Bylo i budet: Dnevnik* [It was and will be: A Diary]. Petrograd, 1915, pp. 71–102. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004206949 (In Russ.)
 8. Merezhkovsky, D.S. *Tolstoy i Dostoevskiy. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Tolstoy and Dostoevsky. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 587 p. (*Literaturnye pamyatniki* [Literary Monuments Series]). (In Russ.)
 9. Andrushchenko, E.A. *Tajnovidenie Merezhkovskogo* [The Mystery Vision of Merezhkovsky]. Merezhkovsky, D.S. *Tolstoy i Dostoevskiy. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Tolstoy and Dostoevsky. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 481–528. (In Russ.)
 10. Terapiano, Ju. *Literaturnaja zhizn russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, statji* [Literary life of Russian Paris for half a Century (1924–1974). Essays, Memoirs, Articles]. Paris, New York, 1987, pp. 30–31. (In Russ.)
 11. Andrushchenko, E.A. *Pismo v butylke. Drama “Pavel I” i “Budet radost” v tvorcheskom mire D.S. Merezhkovskogo* [A Letter in the Bottle. Drama “Paul I” and “There will be Joy” in the Creative World of Dmitry Merezhkovsky]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2000, No. 3, pp. 211–235. (In Russ.)
 12. Koroleva, S.B. *Bajron i russkij Serebrjanyj vek (1900-e gody). Protestantiskij Kain kak “svoe” i “chuzhoe”* [Byron and the Russian Silver Age (1900s). Protestant Cain as “ours” and “theirs”]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2019, No. 1, pp. 152–177. (In Russ.)
 13. Andrushchenko, E.A. *Sputniki Merezhkovskogo* [Merezhkovsky’s Companions]. Merezhkovsky, D.S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury. Izd. podgot. E.A. Andrushchenko* [Eternal Companions. Portraits from World Literature. Ed. Prepared by E.A. Andryushchenko]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 703–757. (In Russ.)
 14. Holikov, A.A. *D.S. Merezhkovskij v istorii russkoj literatury dosovetskogo perioda* [Dmitry Merezhkovsky in the History of Russian Literature of the Pre-Soviet Period]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word]. 2011, No. 1, pp. 73–77. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 11 апреля 2022 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 25 апреля 2022 г.
 Статья принята к публикации: 29 апреля 2022 г.
 Дата публикации: 30 июня 2022 г.

Received by Editor on April 11, 2022
 Revised on April 25, 2022
 Accepted on April 29, 2022
 Date of publication: June 30, 2022